

Качество: сила воли, сила духа

ЕСЛИ БЫ НЕ Я

Елена Дубровская

Привет! Вы готовы услышать историю обычной пятнадцатилетней девчонки, которая влюбилась в самого невыносимого парня из своего класса? Когда я поняла, что мир рухнет, если он не обратит на меня внимания, решила сделать всё возможное, чтобы стать его подружкой. Знакомо? Скажете, банально до боли? Именно так. Но это случилось, и это случилось со мной!

Женя Беглов, для друзей Жека, самый беззастенчивый, самоуверенный парень через неделю устраивал вечеринку в свою честь, точнее в честь своего дня рождения. Шанс на неё попасть у меня и моей лучшей подруги Лизы был ничтожно мал. Поэтому мы облазили все сайты с заголовком «Как привлечь внимание мальчика из своего класса», и как только план был готов, сразу приступили к его реализации. Такие как Женя точно не любят тихонь, поэтому я решила, что пора перестать быть пай-девочкой и стать активной, дерзкой, чтобы, наконец, привлечь его внимание. Наша учительница литературы Виолетта Сергеевна, уже пожилая женщина, собирающаяся на пенсию, рассказывала нам о многомерности человеческой души.

– В «Преступлении и наказании» поставлена нравственная проблема ответственности человека за преступление не только перед законом, но и перед собой, перед своей совестью. Это плач о душе человеческой, оказавшейся в тяжёлых условиях бытия.

Я решила, что пора, мой выход, и подняла руку.

– Вероника? Ты хочешь что-то сказать?

– Да, хочу спросить. Знаете, у нас сейчас куча народа существует в тяжёлых условиях бытия. И тогда скажите – зачем нам, подросткам, учиться размышлять или рассуждать? Чтобы запутаться в этом многообразии жизни, а потом всю оставшуюся жизнь искать выход, как большинство людей старшего поколения? Не лучше ли оставаться бездумной молодёжью?! Если мы кому-нибудь и причиняем вред, то только себе.

Если я добивалась внимания Жеки, то здесь была полная победа. Но только помимо его одобрительного, внимательного взгляда на меня смотрели ошеломленные глаза Виолетты.

– Довольно странно это слышать от тебя... Но вопрос задан... Во-первых, человек не может причинить вред только себе, не задев этим близких или окружающих людей. Мы –

единая система. А во-вторых, умение размышлять – это то творчество, которое отличает нас от животных. А неумение размышлять о последствиях приводит к большинству катастроф.

Если бы я тогда хотя бы чуть-чуть задумалась над этими словами! Хотя бы на секунду услышала, что она хотела мне сказать. Но нет, мы не такие! Мы бежим за своими желаниями, не видя и не слыша ничего вокруг!

Тогда я произвела фурор. И уже на перемене ощутила его первые результаты.

– Не знал, что ты умеешь говорить, – Жека стоял так близко, и от него пахло чем-то запретным и притягательным. – Может ты и не такая тихоня?

Потом я ещё три дня грубила учителям, впервые получила две двойки и вела себя вызывающе. В конце концов, я и Лиза были награждены приглашением на вечеринку. Вся следующая неделя была посвящена созданию новых «ультрасовременных» образов, что окончательно добило моих родителей. Но в своём чувстве я была непреклонна. Все мои мысли были заняты только одним – что он скажет, и как я отвечу.

И вот эта долгожданная суббота наступила. И как часто бывает в подобных случаях, что-то пошло не так. Родители решили, что именно сегодня пришла пора серьёзно поговорить о моих начавшихся проблемах в школе. Младший брат обиделся, что я не выполнила своё обещание с ним погулять, и спрятал все мои новые украшения, которые составляли суть моего придуманного образа. В завершение ко всему, бабушке стало плохо, и родители решили свозить её к врачу, оставив на меня обиженного Илью. В результате в кафе я пришла, когда уже все возможные возможности прошли, и все уже давно отрывались под электронную музыку. Было сложно войти в этот непривычный ритм, и я чувствовала то, что называют «одиначеством в толпе», но вдруг меня подхватили, и знакомый до волнения голос стал кричать в моё ухо:

– Привет, скандалистка! Мы тебя тут заждались. Давай, быстро подкрепись и – к нам.

Всё сразу встало на свои места. Он меня ждал, он меня заметил! И тут подлетела красная, разгоряченная Лиза.

– Ты чего так долго?! Я в первый раз на такой вечеринке! Спасибо тебе, если бы не ты, меня бы никогда сюда не позвали! Здесь та-ак круто! Ты идёшь танцевать?

– Ты иди. Я сейчас приду.

Я смотрела на танцующих и почему-то представила глаза Виолетты Сергеевны. Если мои слова вызвали в ней столько эмоций, что было бы с ней, если бы она увидела этот триумф

безумия в действии? Постепенно, погружаясь в этот ритм, в это состояния забытья, далеко уносящее от реальности, я почувствовала, что мной овладевает желание идти танцевать, как они. И не думать о проблемах, доме, школе... Но тут что-то мелькнуло внутри меня, а может быть не внутри, а снаружи? Но мелькнуло так быстро, что я могла и не заметить. Могла подумать, что мне показалось, но внимательная к своим ощущениям, я подняла глаза и прямо перед собой, за окном кафе, увидела парня, который пытался из одной руки переложить в другую внушительную стопку книг, перевязанную по старинке старой бечевкой.

Можно было бы не обратить внимания на этого чудика, но что-то очень знакомое было в его лице и в том, как он морщил нос. Точно! Это был Глеб Ветров! Моя первая любовь с первого по второй класс. Потом он переехал в другой район, поменял школу, и я его больше никогда не видела. Но как он появился здесь, и именно сейчас, когда я уже решила пуститься во все тяжкие, оставалось для меня загадкой. Я вскочила с места и выбежала на улицу, боясь, что он переложит свой антиквар и уйдёт.

– Привет! – я встала перед ним и загородила ему путь.

– Привет! – Глеб выглядел спокойным, уверенным и безумно красивым.

– Даю тебе десять секунд, чтобы меня опознать. Иначе ты на веки вечные убьешь мою самооценку.

– Предлагаю поберечь твою самооценку и сэкономить десять секунд. Вероника Ступина, сама умная и красивая девочка второго «А» класса.

Я, конечно, была ошеломлена, но не подала виду.

– Это в прошлом. Сейчас, как видишь, в тренде не очень умный и однотипный формат.

Он, не смущаясь, оглядел меня, то есть мой новый образ, и перевёл глаза за мою спину.

– Ты же не с ними?

Я обернулась и увидела ребят с нашей вечеринки. Лиза стояла с ними.

– А что тебя в них не устраивает? Чем ты лучше их? Тем, что таскаешься по улице со стопкой старых книг и не знаешь, что уже давно изобрели электронные библиотеки?

– Я иду из «Букиниста». Просто, когда читаешь книгу, всё по-другому. Прости, не хотел говорить ничего плохого о твоих друзьях. Просто... я помню тебя совсем другой.

– Другой? Интересно. И какой же ты меня помнишь?

– Ты мечтала быть самой великой из всех актрис. И устраивала везде эти постоянные спектакли, помнишь? А ещё мы договорились, что когда ты станешь настоящей актрисой, то я подарю тебе плюшевого медведя.

– Нет, не помню.

Я и вправду уже давно об этом не вспоминала, и мне было неприятно, что он напомнил мне. Но в это время случилось что-то ещё более отвратительное, потому что к нам подошёл Жека.

– Ой, а вот и Никуся! А чего ты тут стоишь?! Давай шевелись, а то самое интересное начнётся без тебя.

Его вид, развязная манера себя вести и говорить выглядели так неуместно в этой ситуации. И вёл он себя так, как будто я стою одна.

– Да. Иди. Я сейчас приду.

На моё счастье его позвали, и я решила, что, пока до конца не уронила лицо, надо быстро попрощаться с Глебом, но тут мои глаза наткнулись на его потрясающую улыбку.

– Что?! Никуся?!

– Молчи! Вот прям сейчас, лучше молчи!

– Это твой парень?

– Почти. Если я ещё тут с тобой чуть-чуть постою, то «почти» уже не случится, так что я пошла.

– Думаю, что уже поздно...

Глеб показывал за моё плечо. Я оглянулась, но лучше бы этого не делала. Жека стоял и обнимал... Лизу! Даже не просто обнимал, он что-то шептал ей на ухо, а она краснела и глупо хихикала. На моих глазах парень, в которого я влюблена, обнимает мою лучшую подругу! Но Лиза?! Она же знала, как я добивалась, чтобы сюда попасть. Чего мне стоила эта неделя: испортились отношения с родителями, учителя думают, что я скатилась ниже некуда. А она, лучшая подруга, ушла с моим будущим парнем... Чтобы как-то сохранить жалкие остатки достоинства, я повернулась обратно к Глебу и улыбнулась, как смогла.

– Пойдём, я помогу донести твоё старьё.

– Не старьё, а старину. Стоимость разная.

Я ещё раз остановилась и посмотрела туда, куда меня так манило, но где мне пока не нашлось места.

– Только, раз уж я ушла, сделай так, чтобы я об этом никогда не пожалела. Моя жизнь должна стать разноцветным фейерверком и дождём из шоколадок.

– Может, тогда лучше вернёшься?

Не помню, засмеялась я тогда или заплакала. Кажется, что всё вместе.

Глеб держал будильник над моим ухом. И это было ужасно! Я для себя решила, что тот, кто пустил его в мои покои в воскресенье утром, будет казнён.

– Мучитель! Оставь мне привилегию спать в выходной! Я в депрессии! Я должна плакать и придаваться горю!

– Кто не имеет воли, не имеет ни-че-го!

– Скучно! – я закрыла голову подушкой, но это не помогло. Противный звук пробирался сквозь толщу пуха.

И вот мы стоим за кулисами не знаю чего, на кастинге не знаю куда. И этот сумасшедший хочет, чтобы я вот так, без подготовки, вышла на сцену?!

– Никогда.

– Дыши. Дыши медленно.

– Ни за что! Я ничего не помню, я опозорюсь.

– Нужен эффект неожиданности. У тебя есть любимое стихотворение, которое ты знаешь досконально?

– «Письмо к женщине» Есенина.

– Хорошо. Читаешь его.

– Нет! Это мужская партия. Я девочка. Я не буду это читать, – я стояла и ныла, как ребёнок. А на самом деле мне было так страшно, что подкашивались ноги, руки и вообще всё, что только может подкоситься. И тут я услышала свою фамилию.

– Так! Тебя вызвали. Быстро, вся сожмись. Сильнее! Напрягись изо всех сил!

Я вся напряглась и сжалась, зажмурилась, как могла. И когда я уже решила, что сейчас лопну, услышала громкий голос Глеба:

– Резко расслабься!

Не успела я выдохнуть, как Глеб вытолкнул меня на сцену.

– Читай!

От страха меня понесло. Я шла, как во сне, и говорила, говорила...

Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне.
Вы говорили: нам пора расстаться,
Что вас измучила моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел – катиться дальше, вниз...
Любимая! Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

И тут я оказалась на краю сцены. Но мне легче было идти и читать, и поэтому я, не раздумывая, начала спускаться вниз со сцены, туда, где сидела комиссия. Пройдя круг почёта, я опять поднялась на сцену и закончила читать как раз на середине. На меня из зала смотрели удивлённые, проснувшиеся люди.

– Может быть, представитесь?

– Вероника Ступина.

– А почему вы выбрали мужской репертуар?

– Понимаете, я читала письмо, которое получила. В этом случае это же женский репертуар? Да?

– Да, но Вы его читали не с позиции женщины.

– Я просто очень сильно чувствовала, что он чувствует.

Мы шли с Глебом по набережной. Мы смеялись и не могли остановиться.

– Это был позор! Как они меня взяли?

– Может быть, они искали такую чудачковатую девчонку?

– Что?! Как ты сказал? Чудачковатую?! Откуда ты берёшь эти дурацкие слова? В своих нафталиновых книжках?

– Зато они не дают тебе скучать. Считай, что это вместо шоколадного дождя.

– Ну уж нет. Замена так себе.

На улице было холодно. Низкое, серое небо Петербурга повисло, как что-то неотвратимое. Глеб посмотрел на меня серьёзно.

– Что ты скажешь завтра своей подруге?

– Лизе? Сомневаюсь, что мы ещё подруги. Ничего не скажу. Я не собираюсь с ней разговаривать.

Но разговаривать и не понадобилось, потому что в школу Лиза не пришла, а я ей не позвонила. Она не пришла и на следующий день, и потом не пришла тоже. Может быть, ей было стыдно? Жека тоже был необычно тихим и пришибленным.

Что мне тогда помешало самой позвонить Лизе? Моя гордость, обида? Но мне было бы легче, если бы я позвонила ей первой.

Всю неделю я целыми днями пропадала на репетициях, а иногда вечерами сидела с Глебом в уютном кафе. Он угощал меня вкусной пироженкой и, как мог, пытался отвлечь от мыслей о несостоявшейся любви и потерянной подруге. Звонок раздался в субботу, когда я в раздевалке переодевалась для выхода на сцену. Лиза говорила так тихо, почти шепотом, что мне приходилось сильно напрягаться, чтобы расслышать всё, что она говорила.

– Меня забирают из школы. Я на том дне рождения сильно отравилась, лежала в больнице. Родители подняли скандал. Пытались выяснить, с кем я была и где. Они ничего не знают про Жеку, а я не хотела, чтобы меня на всю школу опозорили.

Лиза плакала. Тихо, жалобно, как побитая собачка, а я молчала, просто не могла ничего выговорить.

– Ты сильная, ты знаешь, чего хочешь. А я тогда как с ума сошла, так радовалась, что они меня приняли. Прости меня! Прости меня, пожалуйста! У меня, кроме тебя, никого нет.

– Не придумывай. У тебя всё есть, включая меня. Надо было тебя с собой забрать, о чём я думала? Всё, что случилось, – уже случилось.

Лиза заплакала сильнее, и я заплакала вместе с ней. Мне стало стыдно, что я так быстро отказалась от подруги, я оставила её там, а главное даже потом не позвонила. Мы ревели с двух сторон трубки, пока я не прервала нас обеих.

– Знаешь что, пойдём в театр?

– Театр? Я не могу, у меня нет никаких сил куда-нибудь выходить из дома.

– У кого нет воли, у того нет ничего!

– Что?

– Знаю, скучно. Но работает.

На уроке литературы Виолетта Сергеевна, задавая этот вопрос, смотрела прямо мне в глаза.

– Так как вы думаете, почему Наташу Ростову увлёл ветреный и безответственный Куракин?

Я подняла руку и, не дождавшись разрешения говорить, встала.

– Мы думаем...

– Кто это мы?

– Девчонки. Мы думаем, что за этой наглостью и развязностью обязательно скрывается мужественная, сильная, интересная личность, способная нас защитить. Такой образ рыцаря-разбойника. А когда разберёшься, приглядишься повнимательнее, то оказывается, что ничего там нет, – я посмотрела на Жеку, – ни ума, ни воспитания, а тем более мужественной интересной личности. Жаль только, что понимаем мы это поздно, как Наташа Ростова. Кому-то помогает понять случай, а кому-то катастрофа...

Я села. В классе было тихо. Никому больше не хотелось говорить.

Через несколько дней у меня состоялась премьера. Как же я была счастлива своей маленькой ролью! Мне, казалось, что всё встало на свои места. После цветов и оваций мы с Глебом сидели в нашем уютном кафе на Невском. Я немного успокоилась и выдохнула.

– Глеб, скажи, а если бы я тебя тогда не встретила, что бы со мной было? Меня, как Лизу, забрали бы из школы? Я тогда была совершенной душой и могла сделать кучу всякого, от чего потом тошно. Как быть тем, кому не с кем уйти? У кого нет никого рядом?

– Вероника, всегда есть тот, кто поможет. И давай честно, ведь меня тоже нет. Есть только твое богатое воображение, которым ты славилась с детства. Тебе в тот момент нужен был кто-то, и ты выдумала меня. Но я тебе не нужен, ты со всем справилась. И всё, что ты сделала, ты сделала сама.

Я сидела в кафе одна. Я всегда была одна и прекрасно это знала. Это была так, моя игра. В моей голове кадр за кадром пронеслись сцены последнего месяца. Как я стояла около кафе и смотрела на смущённую Лизу и на Жеку. Как я всю ночь в интернете лихорадочно искала театр, куда бы меня могли взять, и как заранее поставила себе будильник. Мой кастинг, репетиции и много, много борьбы.

Виолетта Сергеевна права, мы должны размышлять, иначе неизвестно какими мы вырастем, и что нас ждёт. Я встала из-за столика и пошла по заснеженному Петербургу, который, как верный друг, всегда подставит своё каменное плечо. В ближайшем магазине я купила плюшевого медвежонка и поехала к нему. Пора было познакомиться с Глебом Ветровым.

Его мама проводила меня к нему в комнату.

– Глеб, к тебе пришли.

За письменным столом сидел он, мой друг детства – сильный, умный и с добрым взглядом.

– Привет!

– Привет! Даже не знаю, чем заслужил, что ко мне в гости пришла сама Вероника Ступина.

– Я сегодня стала актрисой. Вот, принесла тебе медведя, которого ты должен мне подарить.

Вот, пожалуй, и всё. Может быть, моя история покажется кому-то незначительной выдумкой, но тогда я скажу: «Не торопитесь судить. В нашей жизни бывает всё. Но побеждает тот, у кого есть Воля и Мечта».